

ГЛАВА 5

ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАРРАТИВ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Актуализируя проблему смены режимов историчности, Ф. Артог обращает внимание на то, что, с конца XVIII в. Европа начинает воспринимать время «через идеи прогресса, идущего по пути само-накопления и истории как процесса, осознания себя во времени. Время больше не является “рамкой” для происходящего, события не “случаются” во времени, а “производятся” им самим: время превращается в действующее лицо истории»¹.

І. Трансформация национальной истории в XIX веке

В начале XIX века Н.М. Карамзин уже пробует сопротивляться (воспользуемся концептом Артога) старому режиму историчности XVIII века. В «Предисловии» к «Истории государства российского», он замечает, что сведения исторических источников историк обязан «соединить в систему», смотреть «на свойство и связь деяний», так как он не летописец, обращающий внимание только на время².

Ф. Артог отметил, что, в отличие от истории примеров XVIII века, в новом режиме историчности «доминирует именно категория будущего: к нему нужно идти, от него исходит свет, делающий интеллигибельным и настоящее, и прошлое. Время начинает пониматься как ускорение (acceleration), и “поучительные” примеры уступают место уникальным событиям»³. Названная Артогом категория «будущего», уже присутствует в историческом нарративе Н.М. Карамзина, который остро ощущает новое время – постнаполеоновской Европы – оно открыло простор для будущего, и поэтому историк написал: «Новая эпоха наступила. Будущее известно единому богу;

---

¹ Артог Ф. Мировое время, история и написание истории // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 3 / рэдкал.: У. Н. Сідарцоў і інш. Мінск: БДУ, 2007. С. 14.

² Карамзин Н.М. История государства российского: в 12 т. СПб.: Типогр. Н. Греча, 1818-1829. Т. 1. С. XX, XXI.

³ Артог Ф. Мировое время, история и написание истории... С. 14-15.

но мы, судя по вероятностям разума, ожидаем...»⁴. Н.М. Карамзин еще видит в истории «в некотором смысле, <...> зеркало бытия»⁵, но через полтора десятка лет в многотомной «Истории русского народа» Н.А. Полевой прямо свяжет идею истории с прогрессом, указав, что с «идеей земного совершенствования, мы перенесли свой идеал Прошедшего в Будущее», что «уроки Истории заключаются не в частных событиях <...>, но в общности, целостности Истории»⁶.

Говоря о рамках режимов историчности, которые выделил Артог, надо иметь в виду, что они являются лишь инструментом, позволяющим систематизировать восприятие времени историческими культурами XVIII и XIX веков. Этот инструмент применим к творчеству историописателей, независимо от выбранного ими объекта для проведения исторической рефлексии: государство, Европа, мир и т.д. Важно выявить черты, которые появляются в национальной истории XIX века, отличающие ее от предшествующего времени.

Анализ микроструктуры (рубрикация) трудов историков XVIII столетия и Н.М. Карамзина, дал возможность И.Е. Рудковской сделать вывод, что, например, в отличие от «Истории» М.М. Щербатова, в труде Н.М. Карамзина присутствует явное стремление к систематизации событий прошлого и «к уходу от погодного их восприятия»⁷. А выявление практики использования персонифицированного времени, в первую очередь, в произведениях по национальной истории (Д. Юма, У. Робертсона, Э. Гиббона, М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина), позволило уточнить, что к излету Просвещения, происходит «преодоление традиционной погодной записи событий» и определяется «новая парадигма презентации времени»⁸.

Предложенные Ф. Артогом черты старого и нового режимов историчности и уточнение И.Е. Рудковской о «новой парадигме презентации времени» можно соотнести со сменой типов рациональности в европейской науке, в первую очередь, с классической рациональностью, которая способствовала дисциплинаризации наук⁹ и формиро-

⁴ Карамзин Н.М. История государства российского... Т. 1. С. VI-VII.

⁵ Там же. С. IX.

⁶ Полевой Н. [А.] История русского народа / сочинение Николая Полевого: в 6 т. М.: Тип. А. Семена, 1829-1833. Т.1. С. XIX.

⁷ Рудковская И.Е. Микроструктура трудов М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина как маркер традиции позднего Просвещения // Диалог со временем. 2013. Вып. 43. С. 104-111.

⁸ Рудковская И.Е. Персонифицированное время в историографической традиции позднего Просвещения // Диалог со временем. 2014. № 47. С. 31, 34.

⁹ См.: Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика : критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура / Отв. ред.: Л.П. Киященко,

ванию исторической науки, в ее классической европейской модели¹⁰. Представители последней видели неразрывную связь между прошлым, настоящим и будущим и конструировали историю посредством модели «однолинейного прогрессизма». Повествуя об исторических событиях, историки воспроизводили не только их хронологическую последовательность, но и структурировали исторические факты таким образом, «чтобы было ясно, как исходные исторические события преобразовались в конечные»¹¹. Таким образом, национальные истории XVIII и XIX столетий (конечно условно) разделяют разные режимы историчности, а также окончательное утверждение классической европейской рациональности (ее начало следует искать в XVIII в.), и, конечно, важным рубежом является наступление эпохи романтизма с присущими ей националистическими чертами.

Большое влияние на национальную историю XIX в. оказала немецкая философия. И.Г. Гердер в конце XVIII в. обратил внимание на национальную самобытность и равноценность разнообразных культур. Правда, его взгляд был сугубо европоцентричный – он восторженно писал о том, что нигде, помимо пространства от Атлантики до «азиатской Татарии», не могло сложиться такого союза «гэлов, кимвров, бургундов, франков, норманнов, саксов, славян, финнов, иллирийцев», пробудившего к жизни «общий дух Европы». Гердер актуализировал еще и новую задачу для гуманитариев – изучать национальные традиции, написав: «Исследователям обычаев народов, их языков следует поторопиться, чтобы не потерять время, пока слои [народов] еще различаются; ибо все в Европе склоняется к тому, чтобы национальные характеры постепенно стирались»¹².

С начала XIX века актуальным объектом изучения становятся не только национальные традиции, изучать которые призывал Гердер, но также прошлое народа, а также прошлое государства, которое этот народ создал. В.Т. Круг подчеркивал, что «вредно» разделять историю государства и народа, «потому что в силу теснейшей взаимосвязи [между ними] историю одного совершенно невозможно понять без истории другого»¹³.

В.С. Степин. СПб.: Мирь, 2009. С. 249-295; Его же. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 619-636.

¹⁰ См.: Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. С. 93-132.

¹¹ Там же. С. 100-105.

¹² Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / пер. с нем. и прим. А.В. Михайлова. М.: Наука, 1977. С. 475-476.

¹³ Цит. по: Гюнтер Х., Козеллек Р., Майер К., Энгельс О. История (Geschichte, Historie) / Х. Понтеру, Р. Козеллек, К. Майер, О. Энгельс // Словарь

В первой четверти XIX века Г.В.Ф. Гегель провозгласил государство высшей формой человеческого духа, поэтому и народы, создавшие его, являются народами историческими. «Во всемирной истории, – указывал он, – может быть речь только о народах, которые образуют государство». Государство создается конкретным народом, поэтому, оно само – «есть дух народа <...>. Действительное государство одушевлено этим духом во всех своих частных делах, войнах, учреждениях и т.д.»¹⁴. По мнению Гегеля, внимания заслуживают страницы истории, которые рассказывают о строительстве государства и заслугах его героев, так как это примеры проявления «абсолютного разума», а значит и правоты, несмотря на то, что действия «героев» могли быть не идеальными (как выразился Гегель: «какими бы несовершенными они не были») ¹⁵.

Уже в конце XVIII века национальная история начинает терять универсализм, заданный Просвещением, и принимает более героизированные черты, причем героем выступает отдельный идеализированный народ. И.Е. Рудковская сделала важный вывод: если для микроструктуры труда кн. М.М. Щербатова «своеобразной визитной карточкой» были многочисленные рубрики, относящиеся к сфере международных отношений, что «вполне соответствовало приоритетам европейской традиции позднего Просвещения», то «“визитной карточкой” микроструктуры труда Н.М. Карамзина стали рубрики об отличительных свойствах отечественных героев его “Истории” ...»¹⁶.

Нельзя не отметить, что одним из первых опытов идеализации собственного народа явился многотомный исторический нарратив «История Швейцарской конфедерации», подготовленный И. Мюллером¹⁷. В начале XIX века именно на модель национальной истории И. Мюллера обратили внимание историки, приступившие к конструированию «своих» историй наций-государств. В частности, Н.М. Карамзин, кратко характеризуя опыты авторов, которые, как он заметил, «писали целую историю народов», указал лишь на двоих из них: Д. Юма и И. Мюллера¹⁸. Русский историкописатель С.Н. Глинка,

---

основных исторических понятий: Избранные статьи: в 2 т. / пер. с нем. М.: НЛЮ, 2014. Т. 1. С. 199.

¹⁴ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории / пер. А.М. Водена. СПб.: Наука, 1993. С. 90, 99.

¹⁵ Там же. С. 90.

¹⁶ Рудковская И.Е. Микроструктура трудов М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина... С. 104-112.

¹⁷ Müller J., von. Geschichte der Schweizerischen Eidgenossenschaft: in 5 Bde. Leipzig, 1786–1808.

¹⁸ Карамзин Н.М. История государства российского... Т. 1. С. XIX-XX.

писавший многотомную «Рускую историю» в то же самое время, что и автор «Истории государства российского» (первое издание «Русской истории» Глинки в 10-ти томах приходится на 1817–1818 гг.), отметил актуальное для формирующейся новой модели национальной истории свойство «Истории Швейцарской конфедерации», выраженное И. Мюллером (в передаче Глинки) фразой: «Я ограничиваюсь одной историей швейцарцев»¹⁹. Основываясь на этом принципе, С.Н. Глинка, написал: «Ограничиваюсь историей русских, не пропустил я не только ни одного важного происшествия, но и ни одного достопамятного изречения»²⁰. Н.М. Карамзин, в целом, восхищаясь «благоразумным Юмом», пожурил его (вспомним, Щербатов смотрел на работу Юма, как на один из образцов) за то, что тот «излишне чуждался Англии»²¹ (т.е. у Юма не было присущего произведению Мюллера свойства – ограничиваться «своим»).

Замечания историописателей значимы тем, что они продемонстрировали рефлексии об одной из важнейших черт новой модели национальной истории – она должна *актуализировать «свое»*. Не случайно, рефлексия о научности истории и строгости исторического исследования побудила М.Т. Каченовского выразить протест против актуализации «своего» в «Истории государства Российского». Это «История, писанная в духе национальном и единственно для моих соотечественников», повторил Каченовский слова Карамзина из письма французским переводчикам²². Важно заметить, что в конце XX века Э.Д. Смит в ряду европейских историков, заложивших «моральный и интеллектуальный фундамент для зарождающегося национализма в своих странах», назовет И. Мюллера и Н.М. Карамзина²³. В дальнейшем, как указывает М. Баар, «История» Карамзина оказала большое влияние на практику написания национальных историй чехом Ф. Палацким, поляком И. Лелевелем, литовцем С. Даукантасом, румыном М. Когэлничану²⁴.

Актуализация внимания на «своем» превращалась в идеализацию истории своей нации и поиск критериев ее исключительности.

¹⁹ [Глинка С.Н.] Руская история, сочиненная Сергеем Глинкою: в 14 ч. М.: Университетская типогр., 1823. Ч. 1. С. 24.

²⁰ Там же. С. 24-25.

²¹ Карамзин Н.М. История государства российского... С. XX.

²² [Каченовский М.Т.] От киевского жителя к его другу (Письмо II) // Вестник Европы. 1819. Ч. 103. № 1. С. 119.

²³ Смит Э.Д. Национализм и историки // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. / пер с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002. С. 236.

²⁴ Baár M. Historians and Nationalism... P. 124-128.

Для Ф. Гизо история французской цивилизации явилась лучшим образом общественного развития вообще. «Франция – та страна, цивилизация которой является наиболее законченной, она «всех полнее, всех истиннее, всех цивилизованней»²⁵. «Ни одна история, – вторил Гизо российский историк М.П. Погодин, – не заключает в себе столько чудесного <...> как Российская», именно она «может сделаться охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия, самого верного и надежного»²⁶. Дж.Р. Грин конструировал исключительность английской истории посредством метафоры «благородного идеала свободы», привнесенного в копилку человечества, и идеи конституционного прогресса, ставшего результатом социального развития, не имевшего аналогов в иных странах²⁷. Таким образом, выделение «своего» народа и рассказ о прошлом лишь одного коллективного героя – нации-государства – становится важнейшей чертой модели национальной истории XIX столетия, а практика ее презентации окончательно принимает форму самопрезентации.

Трансформацию «национальной истории» как вида историописания можно проследить и по словарным статьям, которые, как известно, фиксируют смысл понятия, функционировавшего в определенной культуре, и, соответственно, в системе знания конкретной эпохи. В «Словаре Академии российской» (в 6 ч., 1789–1794) статья «История» кратко объясняет, какие существуют виды историй: «История всеобщая, частная. История древняя, новейшая, история церковная, светская, история греческая, римская. История, основанная на истине, баснословии...» и т.д.²⁸ Конечно, большие национальные истории Д. Юма, У. Робертсона, М.М. Щербатова и др. согласно такому списку видов историописания относились к истории частной. В структуре данной словарной статьи она указана после истории всеобщей, и авторы не сочли необходимым пояснить, что именно относится к частной истории.

В «Справочном энциклопедическом словаре», который издавался в середине XIX в. под редакцией А.В. Старчевского, мы находим уже иное. Там сообщается, что «есть история государств, наук, рели-

²⁵ Гизо Ф. История цивилизации во Франции: в 4 т. / пер. с фр. П.Г. Виноградов. М.: Рубежи XXI, 2006. Т. 1. С. 20, 28.

²⁶ Погодин М.[П.] Историко-критические отрывки: в 2 кн. М.: Типогр. Августа Семена, 1846. Кн. 1. С. 10, 16.

²⁷ [Green J.R.] A Short History of the English People / by J.R. Green. L.: Macmillan and Co., 1874. P. VI, P. 2; Idem. A Short History of the English People: in 4 vols. [Illustrated ed.]. L.; N.Y.: Macmillan and Co., 1902–1903. Vol. 1. P. VI–VII.

²⁸ История // Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1789–1794. Ч. 3: от З. до М. Стб. 317–318.

гий, нравов, искусства, торговли <...>, – словом различных сфер жизни, где видимо проявляется духовная и материальная деятельность. Но и это не есть еще собственное значение, какое обыкновенно дается слову – история. В тесном и исключительном смысле, под названием истории разумеется политико-гражданская история, т.е. *изложение сделанного и совершенного людьми в государственной жизни и для государственной жизни* [выделено мной – С.М.]»²⁹.

Прошло немногим более пятидесяти лет, а в смысле понятия «история» актуализированы черты, которые не были злободневными во второй половине XVIII века, – в первую очередь, актуализирована черта *этатизма*. Доминирующей практикой историописания становится практика создания государственного нарратива. Особое внимание к государству (не только в названии труда) присутствует в модели повествования о национальном прошлом Н.М. Карамзина. Так, И.Е. Рудковская заметила, что в «Истории» Карамзина, в отличие от предшественников, много внимания уделяется специфике государственного управления: «Основание Монархии», «Медленные успехи единодержавия», «Общий характер Васильева правления», «Блестящее властвование Годунова» и др.³⁰ Рассуждение о государстве как предмете исторического исследования (в котором чувствуется влияние Гегеля) мы находим у И.П. Шульгина, написавшего в 30-х гг. XIX в., что «лишь в общественном соединении, в государстве, жизнь человека, так как и жизнь народа, которого каждый человек составляет часть, достигает своего возможного развития и усовершенствования, а потому и предметом истории преимущественным могут быть только общества благоустроенные, государства»³¹.

Со второй четверти XIX в. все увереннее утверждалась идея, что государство формируется сознательной деятельностью отдельных людей, и оно само уже с самого раннего периода становится единым целым. Историки, по существу, антропоморфизируют государство, которое, в результате, предстает исторической личностью-индивидуумом высшего порядка, имеющим даже свою душу. «Первым душу и лицо [Франции] увидел я», «Я первый открыл Францию

²⁹ История // Справочный энциклопедический словарь: в 12 т. / под ред. А.[В.] Старчевского. СПб.: Изд-во К. Крайя, 1847–1855. Т. 5 [И, I, К – Кап]. С. 223.

³⁰ Рудковская И.Е. Микроструктура трудов М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина... С. 104-105.

³¹ [Шульгин И.П.] Изображение характера и содержания новой истории, Ивана Шульгина: в 2 т. СПб.: Тип. Н. Греча, 1833-1837. Т. 1: Изображение характера и содержания истории первых десяти веков по падении Римской империи (история средних веков). СПб., 1837. С. 2.

как человека», писал Ж. Мишле в многотомной «Истории Франции»³². Согласно такой идее, народу или нации присуща не просто абстрактная душа, но конкретные черты «личности-индивидуума». По мнению А.Д. Градовского, высказанному в 70-х гг. XIX века, народ есть нравственная и свободная личность, имеющая «право на самостоятельную историю, следовательно, на свое государство»³³. Нация, которая имела единое «сознание» и «душу» способна создать и свое единое государство, считал К. Лампрехт, замечая: «...нация <...> удовлетворилась сознанием духовного единства, <...> и идеал единого государства дремлет в глубоких тайниках немецкой души»³⁴. «Народ», «нация», «государство» (как личность), «народный дух» в трудах историков становятся не просто историографическими метафорами, а мистическими категориями, что, впрочем, несколько не смущало профессиональных историков.

В прошлом народа, создававшего свое государство историзм XIX века, предлагал выявлять структуры, претерпевавшие прогрессивные изменения по мере развития самого государства, или «жизни» этого самого государственного организма. «Земля и народ – это материал, из которого государство создает себя», в середине XIX в. замечал И.Г. Дройзен в многотомной «Истории прусской политики». Жизнь государства, его безопасность, формирование новых форм управления, изменение социальных институтов, по мнению Дройзена – «это история его [государства] политики <...>, у каждого государства есть его собственная политика; она – как раз его жизнь». Заострив внимание на гегелевской идее об «исторических народах», Дройзен далее подчеркнул: «не каждому народу дана возможность сформировать государственную жизнь...»³⁵. Через два десятка лет об истории народа как изображении «его прошлой жизни» писал в своей многотомной «Истории России» Д.И. Иловайский, который также не прошел мимо идеи об «исторических народах». «Историческими являются только те народы, которые усвоили себе эту [государственную] форму. Народы же, не усвоившие ее, остались на степени дикарей. Отсюда естественная и неразрывная связь истории какого-либо народа с движением его государственного быта», указал

³² [Michelet J.] Histoire de France par Jules Michelet: 18 t. Т. 1. Paris: A. Lacroix et Compagnie, 1880. P. I, XXII.

³³ Градовский А.[Д.] Национальный вопрос в истории и литературе; предисл. А.С. Сенина; Гос. публ. ист. б-ка России. М., 2009. С. 15.

³⁴ [Лампрехт К.] История германского народа Карла Лампрехта: в 3 т. М.: Типогр. В. Рихтер, 1894-1896. Т. 1. С. 17.

³⁵ [Droysen J.G.] Geschichte der preußischen Politik / von Joh. Gust. Droysen: in 14 bd. Bd. 1: Die Gründung. Berlin: von Veit, 1855. S. 3.

Д.И. Иловайский³⁶. А в самом конце XIX в. К. Лампрехт в «Истории немецкого народа», написал: «Характерным признаком настоящего времени можно считать веру в право и в прочность результатов национальных движений. Мы склонны даже думать, что тот народ, который утратил свое национальное сознание, погибнет»³⁷.

Телеологизм, присущий историческому сознанию позволял прошедшие события соединять с актуальными для развития нации-государства чертами и действующими институтами управления. Если вновь воспользоваться понятием «режим историчности», то следует указать, что в новом режиме, история, перестав выполнять роль кладезя примеров, позволила историкам смотреть на прошлое с позиций настоящего и представлять историю народа метафорами «роста», «взросления» или движущейся вперед по пути прогресса «машины». К.Н. Бестужев-Рюмин писал в своей «Русской истории»: «одно явление, цепляясь за другое, двигает всю машину»³⁸.

Презентация «целеустремленного» возмужания тела (или души) нации-государства не могла быть ограничена точкой незавершенности такого процесса, требовалось его связать с гипотетическим, но прогрессивным будущим. Рефлексия о *господстве истории над будущим* помещалась историками в национальные нарративы. Новое состояние николаевской России, по мнению Н.Г. Устрялова, обещает «столь вожделенные плоды в будущем»³⁹. Ф. Гизо восторженно отмечал, что в будущем Франция добьется большого успеха, что ход человеческой цивилизации вообще, а «в особенности французской, поставил великую задачу, составляющую особенность нашего времени; в разрешении ее заинтересовано все будущее...»⁴⁰. А в последней четверти XIX в. американский историк Э. Чаннинг, заканчивая свою «Историю» итогами Гражданской войны (1861–1865 гг.), заключил: «...Американский народ <...> бодро смотрел вперед на те задачи, которые готовило для него будущее»⁴¹.

³⁶ [Иловайский Д.И.] История России, соч. Д. Иловайского: в 5 т. Т.1. Ч. 1: Киевский период. М.: Типогр. Грачева и К., 1876. С. V, VI.

³⁷ Лампрехт К. История германского народа: в 3 т. М.: Типогр. В. Рихтер, 1894-1896. Т. 1. С. 2.

³⁸ Бестужев-Рюмин К.[Н.] Русская история: в 2 т. СПб.: Типогр. А. Траншеля, 1872-1885. Т. 1. С. 8-9.

³⁹ Устрялов Н.[Г.] Русская история: в 5 ч. [2-е изд.] Ч. 1. СПб.: Типогр. экспедиции заготовления гос. бумаг, 1839. С. 7.

⁴⁰ Гизо Ф. История цивилизации во Франции: в 4 т. / пер. с фр. П.Г. Виноградов. М.: Рубежи XXI, 2006. Т. 1.: Лекции I-XV. С. 16, 28-29.

⁴¹ Чаннинг Э. История Соединенных Штатов Северной Америки (1765-1865 гг.) / пер. с англ. СПб.: Изд. О.Н. Поповой, 1897. С. 330.

В рамках классической европейской историографии уже с первой четверти XIX в. сначала немецкие, а потом и российские историки все чаще начинали рефлексировать не только об объективности истории, но и о ее *научности*. «История российского государства, в смысле науки», «Русская история есть наука», не уставал с 1830-х повторять Н.Г. Устрялов⁴². Объективность и научность, истории, замечает сегодня Д.Р. Келли, начали проповедоваться как раз тогда, когда историки стали обслуживать национальную идеологию»⁴³.

Профессиональные историки XIX в. не сомневались в том, что национальная история может быть научной (а значит объективной), поэтому тот же Н.Г. Устрялов в многотомной «Русской истории» отметил эти качества словом «верная», подчеркнув: «Русская история достигает своей цели *верным* [выделено мной – С.М.] изображением перемен, случившихся в состоянии Русской державы, с указанием причин тому и следствий»⁴⁴. Д.И. Иловайский в «Русской истории» также говорит о научной (правда, только «приготовительной») «стороне исторического труда»⁴⁵, а С.Ф. Платонов в лекциях по русской истории основную задачу ученых, конструирующих национальную историю (несмотря на то, что видел в такой истории и практическую функцию), сформулировал так: «...В данном случае можно выразиться, – долг, – национальной историографии... в том, чтобы показать обществу его прошлое в истинном свете... только научный труд может быть полезен общественному самосознанию»⁴⁶. Усиленное внимание профессиональных историков к национальной истории для читателей являлось гарантией «истинности» того света, которым они освещали вопросы национального прошлого.

Некоторые современные исследователи задаются вопросом, почему создавая национальные нарративы историки XIX века, по сути, проявляли лояльность к государству и своими историческими конструкциями легитимировали сложившиеся практики управления? В качестве ответа высказывается мнение, что это было связано со служебной зависимостью историков от государства, так как связь с ним оказалась настоящей ловушкой, в большей степени для евро-

---

⁴² См., напр.: Устрялов Н. [Г.] О системе прагматической русской истории / рассуждение, написанное на степень доктора философии. СПб.: Типогр. Л. Снегирева и К^о, 1836. С. 5; Его же. Руководство к первоначальному изучению русской истории [2-е изд.]. СПб.: Тип. Имп. Рос. Акад., 1840. С. 3.

⁴³ Kelley D.R. *Fortunes of History: Historical Inquiry from Herder to Huizinga*. New Haven: Yale University Press, 2003. P. 132.

⁴⁴ Устрялов Н. [Г.] Русская история... Ч. 1. С. 5-6.

⁴⁵ Иловайский Д. [И.] История России... Т. 1. Ч. 1. С. V.

⁴⁶ Платонов С. [Ф.] Лекции по русской истории... Вып. I. С. 4-5.

пейских и в меньшей степени для североамериканских историков⁴⁷. Такой вопрос и ответ на него справедливы, но думаю, что эта проблема еще ждет своих исследователей. Нельзя не предположить, что у историков XIX в. были и иные причины (не только служебного или материального характера), склонявшие их к написанию больших национальных историй, в том числе – искренняя уверенность в пользе создаваемой национальной идентичности. Например, приведенный выше Д.И. Иловайский, указывал, что его «цель заключается в том, чтобы, воссоздавая в слове прошедшие века своего народа, *способствовать развитию народного самосознания* [курсив мой – С.М.]⁴⁸».

Этатизм, выражавшийся присутствием в рассказах о прошлом вопросов, связанных с высокой политикой, правящими династиями, войнами и т.д., стал стержнем интерпретационного способа проникновения в прошлое, позволявшим отбирать государствообразующие «события» и историзировать их. Как писал тот же Д.И. Иловайский, историк должен «соблюсти историческую перспективу, т.е. выдвинуть на передний план самое важное и существенное», а так как «свою жизнь и движение народ проявляет в своих представителях», то «история по преимуществу имеет дело с лицами, стоящими во главе народа»⁴⁹.

В Российской империи «государство» как предмет истории активно позиционировали всем категориям читателей, что заметно в разных видах национальных историй Н.Г. Устрялова. В «Истории России» (1 изд. 1837 г. – в 4 ч., затем – в 5 ч.) историк писал: «Русская история, в смысле науки, как основательное знание минувшей судьбы русского народа, должна объяснять постепенное развитие гражданской жизни его... указать, какое место занимает Россия в системе прочих государств»⁵⁰. Как видим, здесь историк объединил народ с его гражданским состоянием, а государство упомянул лишь потом (судя по словарю В.И. Даля, в XIX веке «гражданский» понимался как «относящийся к гражданам, к государственному или народному управлению, к подданству»⁵¹). Но в учебниках для гимназий и уездных училищ Устрялов не стал использовать понятие «гражданский», в котором прочитывалось несколько смыслов, а писал проще, – сразу

⁴⁷ См.: Middell M., Roura L. The Various Forms of Transcending the Horizon of National History Writing // Transnational Challenges to National History Writing / eds by Matthias Middell, Lluís Roura. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 21-22.

⁴⁸ Иловайский Д. [И.] История России ... Т. 1. Ч. 1. С. VI.

⁴⁹ Там же. С. V-VI.

⁵⁰ Устрялов Н.[Г.] Русская история... Ч. 1. С. 5.

⁵¹ Даль В.[И.] Гражданин – гражданский // Словарь живого великорусского языка]: в 4 т. [3-е изд. Т. 1: А – З. СПб.; М.: Т-во М.О. Вольф, 1903. Стлб. 962-963.

заменяя «народ» его «государственным состоянием»: «Русская история есть наука, объясняющая постепенное развитие государственной жизни русского народа [в учебнике для народных училищ: «нашего отечества»]...»⁵². Историческое образование оказывало большое влияние на национальное сознание европейских обществ, в нем все больше утверждалась особая форма исторического мышления – историзирующая всё и вся – историзм.

Таким образом, процедура разграничения национальной истории XVIII и XIX вв. носит инструментальный характер. При проведении историографического анализа она позволяет индивидуализировать разные модели национальной истории и устанавливать условный порог их функционирования в разных исторических культурах. Можно сделать вывод, что в первой половине XIX в. на фоне профессионализации историографии, утверждения классической модели европейской исторической науки, возникает модель национальной истории, которая своими параметрами отличалась от больших национальных историй XVIII века. Несмотря на то, что в национальной истории XIX века присутствовали черты, характерные для исторического повествования предшествующего времени, выявляются важные маркеры, демонстрирующие трансформацию практики историописания о нации-государстве:

1. В отличие от любительского интереса к прошлому страны, присущего XVIII веку, новая модель национальной истории XIX столетия все больше становилась уделом профессиональных историков, и адресовали они ее не ограниченному (как в XVIII веке), а широкому кругу читателей.

2. На рубеже XVIII и XIX столетий появилось особое внимание к «своему» народу-государству, народ и его герои становятся значимыми только «в государственной жизни и для государственной жизни». Историки XIX века уже не стремились к поиску универсалий в национальной истории, а ставили целью – создание исторического нарратива национальной (коллективной) идентичности.

3. Эпоха романтизма усилила чувство этатизма, позволившее застегнуть на истории народа государственный мундир и антропоморфизировать нацию-государство, способствовала развитию в историографии идеи культурной и политической автономии своего народа, укрепила уверенность в правильности самопрезентативной формы конструирования национальной истории.

---

⁵² Устрялов Н.[Г.] Начертание русской истории, для средних учебных заведений [изд. 4-е]. СПб.: Типогр. Штаба военно-учебн. заведений, 1842. С. 5; Его же. Руководство к первоначальному изучению русской истории... С. 3.

4. На смену «примерам» приходят «события», отобранные как особо важные в деле национального строительства, а новый «режим историчности» соединяет их между собой в модели однолинейного прогрессизма, связывая национальное прошлое с будущим.

5. В классической европейской историографии научная история пытается обслуживать национальные и государственные интересы, в результате чего актуализируемые, кроме научной, практическая и дидактическая задачи национальной истории усиливают неоднородность способов позиционирования национального прошлого, основой которых были разные типы исторического знания.

II. Национально-государственный нарратив в системе видов национальной истории XIX – начала XX века

В классической модели европейской исторической науки XIX в. так называемая «национальная история» не представляла собой однородный монолит – один вид историописания. Л.П. Репина замечает, что важно обращать внимание не только на базовые характеристики самой этой формы исторического повествования, «но также на ее положение в пространстве историографии как академической дисциплины и сложные отношения с другими тематическими направлениями, которые в разное время формировали меняющиеся образы истории как науки»⁵³.

В конце XIX века в статье «История» для «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона, Н.И. Кареев постарался сформулировать свое определение «национальной истории». Он указал, что, в отличие от всеобщей истории, такая история «называется частной, причем она получает название национальной (или отечественной), если изображение жизни народа сделано лицом к этому народу принадлежащим и ставившим своей задачей содействие национальному самосознанию своего народа»⁵⁴. В начале XXI века С. Бергер предлагает понимать национальную историю «как определенную форму презентации истории, которая стремящейся сформировать прошлое национального государства, помогающей его формированию или старающейся повлиять на уже существующие представления о нем в национальном самосознании»⁵⁵. Таким образом,

⁵³ Репина Л.П. «Национальные истории» и концепции «истории как науки»: проблема совместимости // Национальный / социальный характер: археология идей и современное наследие. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 77.

⁵⁴ Н.К. [Кареев Н.И.] История // Энциклопедический словарь [Ф.А. Брокгауза, И.А. Эфрона]. Т. XIIIа [Исторические журналы – Калайдович]. СПб.: Типогр. И.А. Эфрона, 1894. С. 502.

⁵⁵ Berger S. National Historiographies in Transnational Perspective... P. 14.

Н.И. Кареев и С. Бергер увидели основную задачу национальной истории в формировании национального (государственного) самосознания. Несмотря на то, что сами авторы национальных историй (вспомним Устрялова, Иловайского и Платонова) часто рефлексировали о своей практике историописания как о практике научной, ни Н.И. Кареев, ни С. Бергер об этой задаче данного вида историописания не упомянули.

Заслуживает внимания мысль К.Д. Кавелина, высказанная еще в 1851 г. в положительной (в целом) журнальной рецензии на вышедший из печати первый том задуманной С.М. Соловьевым многотомной «Истории России». Кавелин заметил, что там нет присущих научному исследованию признаков. Рецензент искренне ожидал их увидеть в произведении уже получившего известность своими монографиями историка («от такого ученого <...> все ожидали замечательного сочинения»). Поэтому Кавелин отнес новое произведение Соловьева к «разряду» исторических произведений неисследовательского характера, написав: «...Это сочинение исключительно прагматическое. Спрашивается: удовлетворяет ли современным требованиям науки одно прагматическое изложение <...>? Мы думаем, что нет»⁵⁶. Как можно заметить, в творчестве историка (Соловьева), изучавшего национальную историю, Кавелин увидел разные способы историописания: научный и иной – не удовлетворявший «современным требованиям науки».

С. Бергер и К. Конрад предложили рассматривать национальную историю как сложный и многоуровневый вид историописания. Говоря об инфраструктуре национальной истории, они выделили в ней три связанные между собой уровня и провели довольно условную их систематизацию: 1) чаще всего многотомные «большие работы» (гранд-нарративы), по истории национального прошлого (государства или народа), иногда отмеченные выдающимся литературным успехом (например, «История Англии» Т.Б. Маколея); 2) национальная история, написанная историком-соотечественником, который рассматривает ее как самое важное занятие для профессионального историка (отличается от местной, региональной, европейской, мировой историй выбором территориальных рамок); 3) мета-, или мастер-нарратив, т.е. совокупность согласованных между историками конструкций о тех или иных периодах, событиях, образах нацио-

---

⁵⁶ Кавелин К.Д. История России с древнейших времен. Соч. Сергея Соловьева. Том первый. Москва, 1851 // Кавелин К.Д. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Монографии по русской истории. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. С. 414-415, 419.

нальных героев или врагов, соседей и т.д., присутствующих в определенной исторической культуре⁵⁷.

Систематизация, предложенная Бергером и Конрадом, учитывает выбор историков прошлого (авторов национальных историй) лишь в одном случае – когда историк смотрит на свою практику национального историописания как на самое важное занятие. Пояснение Бергера и Конрада – важное, но напрашивается вопрос: статья по национальной истории, многотомная национальная история, монография по тому или иному вопросу национальной истории и т.д. рассматривались авторами как научные произведения, или же как работы, выполненные в ином типе историописания? Такой вопрос возникает потому, что предложенная ими многоуровневая инфраструктура национальной истории, представляет удобство для исследования роли национальной истории в строительстве идентичности европейских обществ, но не включает рефлексию о сложной структуре национального историописания, представленного: а) разными видами произведений историков, б) произведениями, принадлежавшими к разному типу историописания, а значит, в разной степени влиявших на конструирование идентичности.

По мнению Й. Рюзена, типология способов исторического повествования помогает понимать структуру истории, находить общее и особенное, сравнивать выявленные типы друг с другом, а также проводить в поле теоретической историографии процедуру их систематизации⁵⁸. Рюзен выделяет четыре типа / способа исторического повествования: «традиционное повествование», «образцовое повествование», «критическое повествование» и «генетическое повествование». Историк выражает сомнение в том, что следует выделять пятый тип исторического повествования – сугубо научный (*Wissenschaftsspezifisch*), так как научность (рационально проверяемая) может заключаться во всех четырех типах историописания, так же как во всех четырех типах может обнаружиться и «культурная ориентация» (*kulturellen Orientierung*), умаляющая в том или ином историческом произведении научность⁵⁹. Рюзен считает, что для различения практической функции в историописании (или «культурной ориентации», когда история воспринимается «пригодной для жизни») и научного исторического знания принципиальным будет вопрос о смысле исторического повествования. Тип повествования будет зависеть от того,

---

⁵⁷ Berger S., Conrad C. *The Past as History...* P. 1-2.

⁵⁸ Rüsen J. *Zeit und Sinn. Strategien historischen Denkens*. Frankfurt am Main: Fischer, 1990. S. 208.

⁵⁹ *Ibid.* S. 153-230.

какой *смысл* (*Sinn*) был задан ему автором изучаемого исторического произведения⁶⁰.

Выше уже говорилось о подходе Научно-педагогической школы источниковедения к историографическим источникам. Как можно заметить, он близок к практике систематизации способов исторического повествования, предложенной Й. Рюзенем. Их сближает принцип проводимой процедуры анализа произведений историков, учитывающий авторский замысел. Однако рефлексия о чужой одушевленности позволила Научно-педагогической школе источниковедения в качестве основы процедуры выделения видовой структуры исторических источников принять иной принцип, – это принцип *целеполагания его автора* («Другого»), а значит и классифицировать историографические источники не по цели современного исследователя и не по смыслу, заданному автором, а по *целеполаганию* изучаемого историка прошлого и культуры его времени.

«Культурная ориентация» в произведениях историков, по мнению Й. Рюзена, является оборотной или второй стороной истории (с чем нельзя не согласиться), но выделив типы исторического повествования историк не предусмотрел процедуры разделения этих сторон – он просто не ставил такой задачи. Напротив, в силу понимания того, что ширится состав субъектов, располагающих возможностью позиционирования того или иного взгляда на прошлое, Научно-педагогическая школа источниковедения сосредоточивает внимание на типах исторического знания – научном и социально ориентированном и, выявляя специфику их сосуществования, предлагает критерии, позволяющие в историографическом исследовании отличать научное исследование от социально ориентированного историописания⁶¹. Конечно, при этом надо иметь в виду, что в отдельных сюжетах исторических нарративов, могут более отчетливо проявляться элементы того или иного типа историописания.

По типу представленного в историографических источниках (произведениях историков) исторического знания источниковедение историографии разделяет их на две группы: 1) группу видов историографических источников научной истории (монографии, диссер-

⁶⁰ Rösen J. Historik. Theorie der Geschichtswissenschaft. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2013. S. 27; Item. Zeit und Sinn... S. 171.

⁶¹ Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Социально-ориентированная история в актуальном интеллектуальном пространстве: приглашение к дискуссии // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М.: ИВИ РАН, 2012. 275–282; Источниковедение историографии // Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Изд. дом «Высшая школа экономики», 2019. С. 505–559.

тации, научные статьи, рецензии и отзывы, доклады и тезисы конференций, материалы историографических дискуссий, исторические очерки и др.); 2) группу видов историографических источников социально ориентированного историописания.

В исторической науке, кроме понятия «национальная история», присутствуют иные, позволяющие более корректно проводить историографический анализ практик историописания. Конечно, анализ будет бессмысленным занятием, если мы воспользуемся утвердившимся в российской историографической практике концептом «отечественная история», который распространяется на квалификационную специальность профессиональных историков, на образовательную и научную деятельность в области истории России. Но есть понятия «национально-государственная историография»⁶² и «национально-государственный нарратив»⁶³. Национально-государственный нарратив как отдельный вид историографических источников был впервые выделен Научно-педагогической школой источниковедения в системе видов историографических источников социально ориентированного историописания, наряду с учебной литературой по национальной истории и местной историей (историческим краеведением)⁶⁴. Именно они являются основными формами реализации социально ориентированного знания.

Национально-государственный нарратив как вид историописания возник в классической европейской модели историографии XIX века, получив в этом же столетии наибольшее распространение⁶⁵. Такой нарратив включает в себя всю известную историю того или иного нации-государства, или значительную часть этой истории, выстраиваемую в линейной перспективе. Хронологически организованный рассказ об истории нации-государства построен на *событийном подходе* как четкая последовательность логически выявляемых периодов, имевших в своей структуре набор княжеских, королевских, царских и других династий, войн, перемен в структуре управления государством и пр. Субъектом истории здесь выступает государство, представленное как единое целое с коллективным героем – народом (нацией). Практика создания национально-государственного narra-

⁶² См.: Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. СПб.: Наука, 2003-2006. Т. 2: Образы прошлого. С. 563-580.

⁶³ Добровольский Д.А. Национальная история // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь... С. 324-325.

⁶⁴ Источниковедение историографии // Источниковедение ... С. 545-550.

⁶⁵ См.: Маловичко С.И. Национально-государственный нарратив в структуре национальной истории долгого Деятнадцатого века // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 83-119.

тива представляет собой специальный интерпретационный способ проникновения в прошлое, с помощью которого целенаправленно подавляются или актуализируются нужные события, «герои», «национальные враги» и т.д.

Национально-государственные нарративы имели разную идеологическую перспективу (либеральную, монархическую, имперскую и др.). Они не обязательно представляли собой многотомные произведения. Цель «Русской истории» А.С. Трачевского (в 2 ч.) автором была отрефлексирована так: «...Дать сочинение, которое представило бы, в общедоступной форме, обработанный свод современных знаний о прошлом его отечества, которых ищет теперь каждый образованный русский» и «которое заняло бы место между тщедушными “руководствами” и многотомными Левиафанами»⁶⁶. Национально-государственный нарратив мог быть представлен и одной книгой, таким примером является «Ирландская национальность»⁶⁷ Э.С. Грин, жены известного британского историка Д.Р. Грина. История Ирландии еще не была разработана, поэтому первоначально Элис Грин смогла ее представить лишь небольшой книгой.

Несмотря на то, что *учебникам и учебным пособиям по национальной истории* присуща форма национально-государственного нарратива (здесь, конструкции национального прошлого редуцированы в нужную форму) их авторы ставят другую цель, эти исторические произведения выполняют в исторической культуре того или иного времени несколько иные функции. Поэтому учебная литература по национальной истории относится к другому виду историографических источников социально ориентированного историописания (об учебной книге по национальной истории, смотрите ниже). Но могут быть и исключения. Например, «История цивилизации во Франции» Ф. Гизо, «Лекции по русской истории» С.Ф. Платонова, «Курс русской истории» В.О. Ключевского, задумывались как лекции студентам. Анализ происхождения и содержания этих историографических источников позволяет отнести их к учебным книгам по национальной истории, но их популярность и многочисленные переиздания способствовали тому, что культура задала им иную направленность, – в исторической культуре, соответственно, Франции и России эти исторические произведения стали выполнять роль национально-государственных нарративов.

⁶⁶ Трачевский А.[С.] Русская история профессора А. Трачевского: в 2-х ч. [2-е изд.] СПб.: К.Л. Риккера, 1895. Ч. 1. С. I-II.

⁶⁷ См.: [Green A.S.] Irish Nationality / by Alice Stopford Green. N.Y; L.: H. Holt & Co, 1911.

Надо заметить, что разницу в многотомной государственной (частной) истории и исследовательской («ученой») работе увидел еще в конце XVIII века историк И.М. Стриттер. В первой части своей «Истории российского государства», которую он по заказу Комиссии об учреждении народных училищ готовил, Стриттер признал, что «рачительное критическое исследование» в таком производстве, как его, «не может иметь места», но желающему узнать больше «можно читать сочинения ученых», среди которых Стриттер упомянул Г.З. Байера, А.Л. Шлёцера, Г. Шенинга и др.⁶⁸ Мысль, высказанная историком вполне ясна – написание труда по государственной истории отличалось от «ученой» истории (исследования), написанной по вопросам истории того же самого государства.

С первой половины XIX века функцию «рачительного критического исследования», как ее назвал И.М. Стриттер, начинает выполнять *монография*, которая в иерархии видов произведений историков становится основным, отвечающим всем требованиям научности видом. Именно в монографиях с наибольшей полнотой исследовались выбранные историками темы, в том числе связанные с проблемами национальной истории.

Ш.-В. Ланглюа и Ш. Сеньобос, обратив внимание на монографию как одну из форм «исторических сочинений», отметили, что одни и те же историки, прославившие себя научными исследованиями, и монографии которых «для специалистов заслуживают всяческих похвал, оказываются способными, когда пишут для публики, на серьезные отступления от научного метода». Французские историки (по вполне понятным для французов этого времени причинам) такими авторами называли немцев: Моммзена, Дройзена, Курциуса и Лампрехта⁶⁹ (впрочем, именно так и только о немецких историках (Ранке, Моммзен, Вайц) в это же время написал и В.С. Иконников⁷⁰).

В данном случае, не столь важно, что из перечисленных историков только двое, И.Г. Дройзен и К. Лампрехт, занимались проблемами немецкой истории. Ш.-В. Ланглюа и Ш. Сеньобос указали на возможность присутствия в творчестве профессиональных историков двух разных подходов к конструированию истории: один презентуется в монографиях, второй – в исторических произведениях,

⁶⁸ Стриттер И.[М.] История российского государства: в 3 ч. СПб.: Тип. Ф. Брункова, 1800-1802. Ч. 1. С. 1.

⁶⁹ Ланглюа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории / пер с фр. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. С. 268-277.

⁷⁰ Иконников В.С. Опыт русской историографии: в 2 т., 4 кн. Киев: Тип. Ун-та Св. Владимира, 1891-1908. Т. 1. Кн. 1. С. 230.

подготовленных для широкой публики. Не случайно, в «Курсе лекций по русской истории» В.О. Ключевский минимизировал «научность» своего труда практическим интересом и «дидактической силой»⁷¹. Н.И. Кареев, давая определение национальной истории [см.: выше], пояснил, что от нее нужно отличать исторические монографии, которые изучают «какое-либо отдельное событие или явление»⁷². Таким образом, Ланглуа, Сеньбос и Кареев в конце XIX в. (в период расцвета национальных историографий) увидели в пространстве национальной истории несколько видов историописания, один из которых являлся научным.

Сегодня С. Бергер и К. Конрад замечают, что «национальное историописание <...> стоит на перекрестке исторической науки и политики в области истории»⁷³, и с этим трудно не согласиться. На две стороны истории указал и Й. Рюзен. Но стоит вернуться к рефлексиям И.М. Стриттера, Н.К. Кареева, Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньбоса о неоднозначности государственного / национального историописания, и в таком случае замечание С. Бергера и К. Конрада о «политике в области истории» можно отнести не к «национальной истории» вообще, «стоящей на перекрестке», а, в первую очередь, к произведениям, авторы которых ставили цель строительства национальной и государственной идентичности. В этой связи возникает вопрос, разве можно не различать научные работы, в которых Л. фон Ранке изучал вопросы национальной истории, и его «Zwölf Bücher Preussischer Geschichte» («Двенадцать книг прусской истории» (в 5 т., 1874), где он постарался выстроить историю одного из немецких государств, прокладывая «верный» путь общенационального триумфа, или же – научные диссертации С.М. Соловьева (изданные в виде монографий) и его «Историю России с древнейших времен» в 29 т. (1851–1879)?

В XIX в. по национальной истории писалось много работ, относящихся к группе видов историографических источников *научной истории*: диссертации, монографии, научные статьи, исторические очерки и др., в которых изучались отдельные проблемы. Это не значит, что в таких видах историографических источников как статья и исторические очерки присутствует только научный тип историописания. Анализ содержания историографического источника позволяет выявлять представленное в нем историческое знание (его тип), его парадигмальные основания и связь с историографической культурой

⁷¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. I. // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. / под. ред. В.Л. Янина. М.: Мысль, 1987–1990. Т. 1. С. 33.

⁷² Н.К. [Кареев Н.И.] История... С. 502.

⁷³ Berger S., Conrad C. The Past as History... P. 1-2.

своего времени. В качестве примера научного исследования по национальной истории можно привести магистерскую *диссертацию* С.М. Соловьева «Об отношениях Новгорода к великим князьям» (1845). Изданная отдельной книгой в 1846 г. она имеет черты такого вида историографических источников, относящихся к группе видов научной истории, как монография. Принадлежность к научной истории в ней выдает поставленная историком цель работы: «прежде всего мы должны определить», «показать», «и потом уяснить причины» и т.д.⁷⁴ Цель такого труда – получение и презентация нового научного знания.

Действительно, классификационные признаки *монографии* оказались очень близки диссертации, как магистерской, так и докторской. Поэтому диссертации, которые издавались отдельными книгами и имели в самоназвании слово «исследование» (как в случае с С.М. Соловьевым), вполне соответствовали монографической форме научного труда. Дефинирующим признаком монографии можно считать репрезентативность (в идеале, исчерпанность) источниковой базы исследования⁷⁵. В российской справочной литературе слово «монография» встречается уже во второй половине 1840-х гг. Например, *монография* – «описание одного какого-либо предмета»⁷⁶. По мнению Н.Л. Рубинштейна, одним из первых исторических произведений такого толка в русской историографии стала книга Й.Ф.Г. Эверса «Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwicklung» (Древнейшее право руссов в историческом его развитии), изданная на немецком языке в 1826 г. (вышла на русском языке в 1835 г.). «Она представляет уже не общий свод сведений о Руси, – написал Н.Л. Рубинштейн, – а исследовательскую [это лишнее, разве монография может быть не исследовательской? – С.М.] монографию в нашем современном понимании, подвергающую изучению один более ранний период русской истории»⁷⁷.

Позитивизм существенно повлиял на модель исследовательской практики историков. Научное исследование ассоциировалось с добросовестным и критическим отношением к историческим источникам, полнотой источниковой базы (из которой нужно было добывать

⁷⁴ Соловьев С.[М.] Об отношениях Новгорода к великим князьям: Историческое исследование. М.: Унив. тип., 1846. С. 1.

⁷⁵ Маловичко С.И., Румянцова М.Ф. Монография и очерк... С. 343.

⁷⁶ Монография // Словарь церковно-славянского и русского языка / сост. Вторым Отд. Имп. А.Н. : в IV т. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1847. Т. II. С. 322.

⁷⁷ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941. С. 227.

исторические факты), с основанным на фактах конструированием истории. Так, П.В. Голубовский исторические источники (в отличие от исторической литературы) называл «источниками первой руки» и писал: «Мы не излагаем всех теорий, существующих по тому или иному вопросу и не разбираем их, считая это совершенно излишним балластом: *раз мы строим свои выводы на основании источников первой руки, то этим самым возражаем против тех мнений, с которыми мы не согласны* [курсив автора]»⁷⁸.

У монографической формы исследования появляются определённые формальные аспекты, которые станут дискурсивными маркерами классической модели науки: 1) изучаемый вопрос до сих пор не исследован / недостаточно исследован (П.В. Голубовский указывает, что предшествующие произведения «не охватывают истории Смоленских кривичей, в ее целом...»)⁷⁹; 2) рефлексия о привлечении новых исторических источников – еще не введенных в научный оборот (Д.И. Иловайский сетует: «Новых неизданных доселе источников мне удалось собрать очень немного»⁸⁰, В.И. Семевский этот аспект выразил так: «Труд наш составлен преимущественно на основании неизданных источников, хотя конечно, я пользовался и известными мне печатными источниками и пособиями»⁸¹); 3) монография призвана позиционировать новое научное знание, которое понималось как установление новых фактов, или приведение их в систему: «привести в известность и дать единство фактам» (Д.И. Иловайский⁸²), «изучение фактического состояния русской городской общины <...> может представлять несомненный научный интерес» (А.А. Кизеветтер)⁸³.

В XIX – начале XX в. научная история презентировалась не только в монографии, но и в *очерковой форме*, но в XIX в. этот вид исторического исследования претерпел трансформацию: во-первых, сократилось число исследований, в самоназваниях которых указывалось «опыт»⁸⁴, во-вторых, слово «начертание», которое использовалось

⁷⁸ См.: Голубовский П.В. История Смоленской земли до начала XV ст.: монография. Киев: Типогр. Имп. Университета Св. Владимира, 1895. С. I-II.

⁷⁹ См.: Там же. С. I.

⁸⁰ Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М.: Универ. тип. 1858. С. V.

⁸¹ Семевский В.И. Крестьяне в царствование Императрицы Екатерины II: в 2 т. СПб.: Тип. Ф.С. Сушинского, 1881. Т. I. С. XXXV.

⁸² Иловайский Д.И. История Рязанского княжества... С. VI.

⁸³ Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII ст. М.: Универ. тип., 1903. С. IV.

⁸⁴ См., напр.: Готье Ю.[В.] Замосковский край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М.: Тип. Г. Лесснера и Д. Собко, 1906.

лось в XVIII в. постепенно вытеснялось словом «очерк(и)». Такая форма презентации истории, характеризовалась отличавшими её от видов научных исследований (монография, диссертация, научная статья) признаками, которые в сумме можно свести к авторскому «испытанию», «недостаточности» научности, краткости и популярности изложения исторического материала.

Позитивизм существенно повлиял на модель исследовательской практики историков. Здесь снова повторю, что научное исследование ассоциировалось с добросовестным и критическим отношением к историческим источникам, полнотой источниковой базы и основанным на фактах конструированием, в первую очередь, политической истории. Но в то же время, получавшая распространение в историографии Российской империи с 1860-х гг. практика изучения объекта/субъекта исторического процесса, не тождественного государству, – истории отдельной земли (части государства) – создала для историков сложность теоретического и источниковедческого характера. Д.А. Корсакову, М.В. Довнар-Запольскому, А.С. Грушевскому, Д.И. Багалею и др. оказалось сложным связать объект исследования с линейной историей государственной централизации. Обращение не только к политическим, но и к социальным, а также культурным проблемам не позволяло историкам гарантировать репрезентативность источниковой базы (один из важнейших критериев монографии). Д.А. Корсаков свой выбор исследовательской модели в виде очерка обосновал таким образом: «сознавая недостаточность наших собственных сил для всесторонней разработки истории Ростово-Суздальской земли, – мы ограничиваемся на первый раз представлением вниманию читателей “очерков из истории этой земли”»⁸⁵.

Добросовестная позитивистская рефлексия о слабой изученности темы («при таком неблагоприятном положении литературы предмета»⁸⁶) и недостаток признаков, которые позволяют считать исследование монографией, заставили В.Е. Данилевича пояснить: «многие пробелы и недостатки моей работы ясны мне самому; они были неизбежны, так как для устранения их нужно было бы иметь больше времени и средств, чем было в моем распоряжении»⁸⁷. Д.И. Багалею выбор модели «Очерков» объяснил невозможностью «избежать кое-каких пробелов». Историк исследовал не привычную

---

⁸⁵ Корсаков Д.[А.] Мера и Ростовское княжество: Очерки из истории Ростово-Суздальской земли. Казань: Универ. тип., 1872. С. II.

⁸⁶ Данилевич В.Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев: Универ. тип., 1896. С. VII.

⁸⁷ Там же. С. VII-VIII.

для классической модели исторической науки историю государственного строительства, а «творческую силу государства и народного начала»: изучая историю колонизации южных окраин Московского государства, он делал «наблюдения над образованием в степи гражданских обществ»⁸⁸. Приведенные примеры демонстрируют появление с 1870-х гг. довольно широкой практики использования формы презентации научных исследований, которую историки, для различения с монографической, назвали «очерковой». Однако, если монография как вид историографических источников имеет четкую парадигмальную привязку (классическая модель исторической науки), то исторический очерк свойственен разным историческим культурам (см., выше, – очерковая форма во второй половине XVIII в.), он по-разному включается в различные системы исторической культуры⁸⁹.

Обратив внимание на формы презентации научного типа исторического знания о прошлом России, возвратимся к национально-государственному нарративу. В многотомной исторической наррации С.М. Соловьева «История России с древнейших времен» мы найдем сюжеты и выводы, которые историк брал из своих диссертаций (монографий), но повествовательная модель национально-государственного нарратива не ограничивалась данными, основанными на сообщениях исторических источников, принятых в то время за более или менее «достоверные». Эта модель истории строилась и на иных нарративных приемах. Так, в рассказе о событиях в Восточной Европе второй половины IX века Соловьев в качестве исторических источников использовал такие, какие не позволял себе использовать в монографиях, – так называемые «дополнения» Никоновской летописи (он называл их «преданиями», которым не доверял даже Н.М. Карамзин) и Степенная книга. Указанные исторические источники позволили Соловьеву обратить внимание на легендарного Вадима, а также на «восстание новгородцев» (под руководством Вадима) и создать конструкцию, призванную продемонстрировать в своей «Истории» сложность утверждения системы властвования⁹⁰. Назвав князя Олега «князем-нарядником Земли», Соловьев рассказал о том, как он собирал «под одно знамя» племена, после чего сделал замечание: «историки не имеют никакого права заподозрить это *предание* [курсив мой

---

⁸⁸ Багалея Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства: исследование. М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1887. С. XV.

⁸⁹ Подробнее об этом, см.: Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Монография и очерк... С. 337-354.

⁹⁰ Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 6 кн. [29 т.]. СПб.: Тов-во «Общественная польза», 1896. Кн. 1. Т. I-V. С. 110.

– С.М.], отвергнуть значение Олега, как собирателя племен»⁹¹. Не только выбранная автором стратегия отбора «событий» демонстрирует социально ориентированную практику историописания, но и объяснения, к которым прибегает С.М. Соловьев, призваны позиционировать идею национального строительства (собирать племена) и особенность «своей» истории в общем европейском пространстве. Так, объясняя предание о «выборе веры» князем Владимиром Святославичем (в котором сомневались историки)⁹², он написал: «Последнее обстоятельство, т.е. выбор веры, есть особенность русской истории: ни одному другому европейскому народу не предстояло необходимости выбора между религиями; но не так было на востоке Европы, на границах ее с Азией...»⁹³ и т.д.

К подобному конструированию прошлого в национально-государственном нарративе вполне подходит меткое название, данное этой практике в 1837 г. Н.И. Надеждиным – «полу-свет». В одной из своих работ Н.И. Надеждин, не отрицая важности исторической критики, роли М.Т. Каченовского и «скептической школы» в формировании научности в истории, укорял их за то, что они не смогли быть снисходительнее к «полу-свету» некоторых «фактов» русской истории⁹⁴. Свой вывод Надеждин мотивировал защитой национальных, но не научных интересов.

Как было отмечено выше, национально-государственные нарративы отличались от научных работ своим целеполаганием, предполагающим строительство национально-государственной идентичности. Именно такую задачу, ставил перед своей «Историей Франции» Ж. Мишле («сложную задачу», как он сам заметил) – «воскрешение единой жизни... в ее внутренней и глубинной организации»⁹⁵. Мы не найдем научной цели в «Истории России...» С.М. Соловьева (хотя его работа в немалой степени была исследовательской), историческое произведение начинается с рефлексии о практическом его значении: «Русскому историку, представляющему свой труд во второй половине XIX века не нужно говорить читателям о значении, пользе истории отечественной»⁹⁶. Не случайно, в третьей четверти XIX века И.Г. Дройзен (считавший подобную практику написания

⁹¹ Там же. С. 122.

⁹² См., напр.: Арцыбашев Н.С. Повествование о России: в 4 т. М.: Универ. тип., 1838. Т. 1. С. 68.

⁹³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен ... С. 164.

⁹⁴ Надеждин Н.И. Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения. 1837. Т. 20. № 2. С. 116-131. Отд. III. С. 116-131.

⁹⁵ [Michelet J.] Histoire de France... Т. 1. P. III.

⁹⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен... С. 1.

национальных историй полезной) также отметил их сугубо практическое (а не научное) значение: «...Они – и только они – дают государству, народу, армии и т.д. образ самого себя»⁹⁷.

В отличие от исследовательских (научных) работ национально-государственный нарратив предназначался для широкой читательской аудитории. Авторы таких нарративов не часто, но рефлексировали о предназначенности своих произведений. В «Истории государства российского» Н.М. Карамзин, заметил, что не только правители, но «и простой гражданин должен читать историю»⁹⁸. Через несколько лет Ж.Ш.Л. де Сисмонди писал, что историю Франции «полезно знать всем, потому что она более универсальна чем иные»⁹⁹. На рубеже XIX–XX вв. испанский историк Р. Альтамира прямо указал на отличие «общей истории» Испании от исследований отдельных проблем национального прошлого, заметив, что первое должно охватывать все стороны человеческой деятельности (политическую, юридическую, экономическую, художественную и т.д.) и быть доступно для обычного читателя¹⁰⁰.

В этой связи интересно отметить факт популярности национально-государственных нарративов среди учащихся гимназий Российской империи. В двух проанализированных выпускных сочинениях гимназистов, написанных в 1850-х гг. по российской истории, такой вид историографических источников как учебная книга по национальной истории не использовался ни разу, научная работа (это была монография С.М. Соловьева) привлекалась лишь в одном случае, зато оба выпускника использовали национально-государственные нарративы Н.М. Карамзина, Н.Г. Устрялова, Н.А. Полевого и С.М. Соловьева¹⁰¹.

⁹⁷ Дройзен И.Г. Историка: лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 499.

⁹⁸ Карамзин Н.М. История государства российского... Т. 1. С. IX.

⁹⁹ Sismondi J.C.L.[S.] Histoire des français: dans XXXI t. T. I. Paris: Treuttel et Würtz, 1821. P. I, XVII.

¹⁰⁰ Altamira R. Historia de España y de La Civilización Española: 4 vol. [3 ed.]. Barcelona: Julian Gili, 1913. Vol.1. P. 11-15.

¹⁰¹ См.: Маловичко С.И. К проблеме перехода от традиционной темпоральности к линейной: историческое сочинение гимназиста-горца // Диалог со временем: Мировидение человека в переходные эпохи. Самара: СНЦ РАН, 2012. С. 40-59; Его же. Выпускное сочинение гимназиста середины XIX в. как феномен историописания // Историографические чтения памяти профессора В.А. Муравьева: сб. ст.: в 2 т. / сост.: Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева; отв. ред.: Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева; РГГУ, Науч.-пед. школа источниковедения – сайт Источниковедение.ru. М.: РГГУ, 2013. Т. 2. С. 396-418.